

Светлана
АЛЕШИНА

Сердце

с глушителем

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Новая русская

Светлана Алешина
Сердце с глушителем

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Сердце с глушителем / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Новая русская)

Для неугомонной Ларисы Котовой два месяца без ее хобби, частного сыска, – это предел! Владелица лучшего в городе ресторана «Чайка» чуть было не затосковала, но расследование убийства тренера по бодибилдингу Виталия Соловьева захватило ее с головой. Встречи, знакомства, поездки за рубеж... Однако долгое время и мотивы этого странного убийства, и личность преступника оставались для нее загадкой. В клубке противоречивых фактов она искала объяснения причин трагедии. И, кажется, нащупала одну тоненькую ниточку. Но не окажется ли она в тупике и на этот раз?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Алешина

Сердце с глушителем

Глава 1

Дмитрий Степанович Городов нервничал. Нервничал с самого утра. Потому что его начальница, Лариса Викторовна Котова, как он сам считал, наплевательски относилась к его персоне. Она просто его не замечала и не думала о его проблемах. А проблемы были, и еще какие! В чем, прикажете, появляться на сегодняшнем вечернем мероприятии в ресторане? У самого Степаныча не было ни белоснежного жабо, ни фрака. А ведь он, администратор элитного ресторана «Чайка», должен выглядеть на все сто перед очень важным для него лично человеком.

Этим человеком была его бывшая жена, несколько лет назад успешно эмигрировавшая в Израиль. Без него. Дмитрий Степанович не мог простить такого подлого вероломства и втайне точил на беглянку зуб. Однако ей лично он предусмотрительно не показывал своего презрения и даже, убедив себя, что может получить от бывшей супруги выгоду, всячески лебезил перед ней и льстиво заискивал.

Собственно, он и затеял этот прием по случаю приезда Софьи Михайловны, урожденной Кац, в Россию. Степаныч искренне надеялся, что она все-таки сделает ему вызов в землю обетованную и он оставит наконец серый Тарасов и ресторан «Чайка», в котором уже много лет трудился в качестве администратора с «нищенской зарплатой». И Дмитрий Степанович изо всех сил старался произвести на бывшую жену самое выгодное впечатление. Этот вопрос тревожил его как самый больной на сегодняшний день, и он негодовал, почему это не волнует всех остальных? И главное – Ларису Викторовну Котову, директрису «Чайки».

– Понимаешь, мне в Израиль нужно, а она плевать на это хотела! – в сердцах воскликнул Городов и решительно двинул брать свою начальницу приступом – то есть доступными ему средствами – занудством, возмущением и вымогательством необходимых атрибутов для торжественного вечера.

Проходя через вестибюль, он заметил выходящую из служебного помещения ресторана знакомую фигуру: это был собственной персоной благоверный его начальницы Евгений Алексеевич Котов. Человека этого Степаныч глубоко презирал, относя его к категории так называемых мудаков. Несмотря на то что Котов имел достаточный вес в обществе и определенных структурах, Степаныч считал, что человек он, недостойный даже вежливого кивка в его сторону. Во-первых, Евгений был алкоголиком, опять же по мнению Степаныча. Во-вторых, как полагал Городов, если бы он сам имел тот потенциал, которым обладал Котов, то смог бы достичь ого-го каких успехов. Котов же многое пропивал, за многим не следил, порой пускал бизнес на самотек, а иногда и вовсе жил за счет доходов своей жены, приносимых тем самым рестораном, где Дмитрий Степанович трудился администратором, получая за это весьма маленькие, по его мнению, деньги. Следует заметить, что, по мнению гуляки Котова, заработки эти были просто баснословными. Подобное несоответствие во взглядах еще больше бесило прижимистого Городова.

Вид у Евгения был какой-то озабоченный и даже нервный. Степаныч решил было, что у Котова проблемы, и в душе искренне порадовался этому. Подумав сначала, что не стоит подходить к Евгению и здороваться, в последний момент круто поменял свое мнение.

Натянув на лицо псевдовежливую улыбку, он буквально подплыл к Евгению и, угодливо склонившись, пропел:

– Здравсье-те, Евгений Алексеич-ч... Никак проблемы... образовались?

Котов смерил Степаныча недоброжелательным взглядом, свысока и покровительственно сказал:

– Проблемы скоро будут у тебя... Тут сейчас супруга мне заявила, что недовольна тобой и даже собирается урезать оклад...

И из вредности добавил:

– Вполовину!

Такого Степаныч не ожидал. Конечно, если бы им не владели эмоции, то он спокойно бы проанализировал ситуацию и понял, что Котов просто язвит. Но дело заключалось в том, что деньголюбивое сердце Дмитрия Степановича трепетало всякий раз, когда речь заходила о его доходах, и начисто отключало чувство юмора. Вот и сейчас последовала закономерная реакция: Степаныч раскрыл рот, вытаращил глаза и глупо спросил:

– Как это?

– А вот так! – холодно и внутренне торжествуя заметил Котов. – Более того, она грозилась перевести тебя опять в официанты и нанять более молодого и выигрышно выглядящего администратора. Имидж все-таки... блюсти нужно. А то нонсенс получается – везти тебя в Москву с твоей физиономией простолюдина.

– В какую Москву?! – взбеленился Городов. – Какой имидж?! Кто на это обращает внимание? Вы сами-то понимаете, что говорите? Главное – работа, понимаете, хорошая работа! А еще важнее – результат. Впрочем, работа на результат – это не ваша сильная сторона. Я всегда говорил, что...

Температура разговора стремительно повышалась. На парочку спорящих уже обратили внимание охранники и посетители. Одна из официанток, желая предотвратить назревающий скандал, быстро двинулась в сторону Дмитрия Степановича и, взяв его за рукав, очень мягко сказала:

– Дмитрий Степанович, вы, помнится, говорили какой-то рецепт приготовления картофеля... Так вот, им заинтересовался шеф-повар, пройдемте сейчас на кухню. И вы ему все на месте подробно расскажете. Может быть, это блюдо назовут вашим именем, – заключила она напоследок, желая польстить честолюбивому администратору, и увлекла его за собой.

Смерив Котова уничтожающим взглядом, Городов шумно вздохнул и, пробормотав себе под нос что-то вроде «все проблемы – от мудаков», гордо вскинув голову, прошествовал за официанткой.

В кухне он продиктовал шеф-повару незатейливый рецепт приготовления картофельных кнедликов, которые ему часто готовила теща. Собственно, рецепт этот был давным-давно известен как шеф-повару, так и самой Ларисе, и они его уже усовершенствовали, введя массу новых ингредиентов. Но цель так или иначе была достигнута – Степаныч переключил свое внимание на кулинарию, забыл про Котова, загорелся и уже начал диктовать шеф-повару рецепт еще каких-то не очень изысканных блюд, попутно представляя, как он впоследствии самолично составит новую кулинарную книгу.

Уже возвращаясь из кухни, он вдруг вспомнил про слова Котова, и у него тревожно забило сердце. Он решил немедленно пройти к своей начальнице и выяснить это недоразумение. Он даже начал мысленно перебирать все свои грешки за прошедшую неделю, которые могли послужить причиной гнева Ларисы, но так и не смог найти ничего криминального.

Однако Ларису на месте он не застал. Ее кабинет был закрыт. Степаныч почувствовал неладное и насторожился. Вышедший следом за ним шеф-повар подлил масла в огонь. Хлопнув администратора по плечу, он объявил:

– А ее не будет сегодня вечером.

– Как это? – снова вытаращил глаза Степаныч.

– Так она же с мужем уехала, Степаныч! – шеф-повар улыбался без подвоха.

– Куда? – быстро спросил Городов.

– Этого я не знаю. Вроде бы на тренировку, что ли... В тренажерный зал. Краем уха слышал...

– Че-го? – совсем уж обалдел администратор.

– Он уже второй месяц туда ходит, Евгений Алексеич-то... А Лариса Викторовна говорила, что он решил поднакачаться. Здоровый образ жизни, – назидательно заключил шеф-повар, окинув выразительным взглядом ярко-красную и даже слегка припухшую физиономию Степаныча.

– Н-да-а, – проскрипел Городов, почесав затылок.

Для него новость об образе жизни Котова явилась полнейшим откровением. Он только сейчас отметил, что за последний месяц Котов появлялся в ресторане абсолютно трезвым и в кроссовках и вроде как цвет лица у него улучшился. Но Степаныч, напрочь игнорировавший Евгения, скептически смотрел на все это.

– Совсем стебанулся... – резюмировал он, нахмурившись. – Везде одни стебанутые люди! Главное, эти тренировки ни фига ему не дадут. Зачем? Деньги только тратить. Я вот когда в Израиль собирался, – поднял он большую для себя тему, – пошел на курсы языка, ну, отдал две тысячи! Две тысячи! И ни фига!

– У тебя, наверное, нет способностей к языкам, – добродушно заметил шеф-повар.

– Как это – нет? – с ходу завелся Степаныч. – Почему это у меня нет? Я, между прочим... Да ладно, даже если и нет, это неважно! Там обещали из любого, даже из самого законченного кретина, сделать англо-язычного. И... – он в отчаянии развел руками. – Не сделали!

– А чего ты так переживаешь-то? – недоуменно посмотрел на него шеф-повар.

– Да есть тут у меня... личные проблемы... – отмахнулся Степаныч и пошел дальше по коридору.

По большому счету, тренировки Евгения были ему до лампочки. Куда больше его волновало отсутствие директрисы ресторана. То, что Лариса ушла, означало, что он не получит нужных ему вещей. И она не сможет одолжить Степанычу свою машину. А это необходимо, чтобы произвести на бывшую супругу хорошее впечатление. Пусть видит, что он человек вполне уважаемый, начальство его ценит и отпускать не хочет, а это значит, что и в городке Эйлате он смог бы найти, по рекомендации Софьи Михайловны Кац, хорошую работу. А если слова Евгения о намерении урезать ему жалование – правда, то вопрос об отъезде становился ребром.

* * *

А Лариса же, не подозревая о душевных метаниях своего администратора, действительно направилась в тренажерный зал вместе с супругом. Котов заехал к ней сегодня очень возбужденным.

Открыв дверь кабинета без стука, Евгений с порога оглоушил жену известием:

– Лара, я нашел тебе важное дело! Причем, возможно, денежное!

Лариса, слушавшая в тот момент доклад главбуха и погруженная, соответственно, в цифры, нахмурилась, покачала головой и после паузы попросила:

– Можно еще раз, только поконкретнее!

Евгений, не обращая внимания на главбуха, толстую тетку лет пятидесяти, подошел ближе и выкрикнул:

– В тренажерном зале случилось страшное!

– Что, что такое? – всерьез насторожилась Лариса.

Тут Котов все же заметил, что, кроме жены, в кабинете находится еще один человек, и взглядом попросил Ларису усласть подчиненную подальше. Лариса вздохнула, внутренне него-

дую на Котова, потому что его появление и возбужденные заявления были не к месту, и мягко попросила:

– Ирина Владимировна, давайте вернемся к отчету минут через десять. Извините, пожалуйста.

– Ничего, ничего, – зашамкала губами толстуха-бухгалтерша и, подхватив бумаги, вперевалочку двинулась к выходу из кабинета.

Когда за ней закрылась дверь, Лариса перевела взгляд на мужа и недовольно спросила:

– Ну что там у тебя? Ты что, с ума сошел?

– Нет, – радостно ответил Евгений. – Я нашел тебе работу.

– Я и так, кажется, на работе.

– Я не об этом, – отмахнулся Котов. – Дело в том, что нашего тренера грохнули.

Евгений заявил об этом так радостно, что создавалось впечатление, будто тренер был его злейшим врагом.

– И что же? – осторожно спросила Лариса.

– Есть возможность развеяться, – невозмутимо ответил Котов. – А то я смотрю – ты совсем закисла. Ничто тебя не радует. Я и пришел к выводу: в сыщицких делах у тебя застой – вот и грустишь.

– А ты, значит, решил заняться перестройкой моей жизни, да? – язвительно спросила Лариса.

– Можно подумать, что ты не рада, – надулся Котов, плюхаясь на кресло и вальяжно закидывая ногу на ногу. – А дело-то непростое, совсем непростое! Всякую туфту я бы тебе не предложил. Здесь придется умишком-то пораскинуть!

– Так, хватит паясничать! – прикрикнула Лариса. – Рассказывай, как его убили и где.

– Ну, как убили – в этом особо интересного ничего нет. Пистолет с глушителем, – тоном прожженного эксперта-криминалиста произнес Евгений. – А вот насчет того, где...

Котов сделал паузу, наклонился к столу Ларисы и тихо сказал:

– За границей...

– И ты хочешь, чтобы я поехала на край света раскрывать это убийство?

– Совсем не на край, – не смутился Евгений. – Всего лишь в Прагу. В такую знакомую нам с тобой Прагу, где мы бывали, по-моему, несколько раз...

– Я была только один. Остальные разы было не со мной, – сухо заметила Лариса.

– Ну вот, значит, поедешь еще, – парировал Котов, вспоминая, что действительно пару лет назад он ездил в Карловы Вары со своей любовницей.

«Нехорошо, нехорошо тогда получилось», – сконфузился Евгений, вспомнив, сколько денег он истратил на длинноногую фотомодель по имени Даная, вместо того чтобы, например, купить дочери новый компьютер.

– Если хочешь, я могу составить тебе компанию, – не очень бодро заявил он жене. – У меня сейчас в фирме все равно особых дел нет. А там – весна-красна! Карлов мост, Градчаны, старинные замки, пльзеньское пиво, – ух, хорошо!

И Котов, вновь приняв вальяжный вид, принялся вспоминать о красотах столицы Чехии, вроде она находилась на соседней улице.

Лариса же, не слушая его, начала размышлять. Что ж, Котов прав – образовался некий застой. Два месяца в ее жизни все было спокойно. Это – уже много. Никаких потрясений. Никаких расследований. Так что, может быть, действительно Евгений попал в точку?

– Так, стоп! – остановила Лариса разошедшегося Евгения, который в этот момент живописал красоты прогулок на пароходике по Влтаве. – Когда совершено преступление? Почему тренер оказался в Праге?

– Заинтересовалась! – как бы в сторону, театрально-восторженно заметил Котов.

Он был явно доволен и наслаждался победой.

– Меня интересуют факты, – повторила Лариса. – Да, и еще... Ты сказал, что дело вроде бы денежное.

– Да, – поспешно заверил ее Котов. – Понимаешь, женщина одна, тренер по шейпингу, заявила сегодня, что готова заплатить любые деньги, только чтобы преступление раскрыли.

– А чего это она так им интересуется? – подозрительно спросила Лариса.

– О! – воскликнул Котов и закатил глаза к потолку, придавая своему лицу романтическое выражение. – Там, как говорится, лав стори... Она же, Алевтина, как раз с ним в Чехию и ездила. И это убийство, можно сказать, на ее глазах и случилось. Так что сама понимаешь – женщина убита горем, потеряла своего возлюбленного... – с пафосом закончил он.

Лариса пристально посмотрела на Котова, пытаясь определить, ерничает он или говорит серьезно. На лице Евгения, однако, не было и намека на иронию, оно выражало лишь торжественную скорбь.

Собственно, то, что его попросила привезти свою супругу в тренажерный зал именно Алевтина Федоровна Байбакова, и сыграло для Котова решающую роль. При виде прекрасных скорбных черных глаз он расчувствовался и не смог устоять. Евгений тут же забыл, что в общем-то всегда был против того, чтобы его супруга занималась криминальными расследованиями. Ну разве только если дело касалось его личных знакомых, а особенно тех, от кого он в чем-то зависел...

От Алевтины Федоровны он, в сущности, никак не зависел, но разве мог Котов упустить шанс произвести приятное впечатление на красивую женщину? И теперь он был весьма озабочен тем, чтобы Лариса согласилась.

А ее уже и не требовалось особенно уговаривать. В процессе разговора с мужем она заинтересовалась этим делом. Особенно интригующим казался тот факт, что преступление было совершено в Чехии, а не в России. Выходит, его совершил кто-то, живущий в Праге? Или это вовсе не обязательно? Или... Или это сделала сама его спутница, сейчас разыгрывающая роль безутешной возлюбленной?

– У них что, были настолько серьезные отношения, если она готова пожертвовать немалыми деньгами на расследование? – уточнила Лариса.

– Насколько я знаю, они собирались пожениться, – тронув виски, ответил Котов. – Так что, сама видишь, она должна быть заинтересована в результатах.

– И сколько она заплатит? – усмехнулась Лариса.

– Это ты разговаривай с ней сама, – тут же увильнул Евгений. – Кроме того, как я понял, для тебя в этих делах материальный стимул – не самое главное.

Супруг был прав – действительно, Лариса за многие свои дела бралась, не особо рассчитывая на вознаграждение. Хотя в данном случае, когда речь шла о каком-то там тренере, которого Лариса и в глаза не видела, хороший денежный бонус был бы очень кстати.

– Хорошо, давай поговорим о фактах, – вернула Лариса мужа к главной теме разговора. – Ты знаешь, почему этот тренер поехал в Прагу?

– Конечно, – тут же ответил Евгений. – Они ездили туда к родственникам. Мне об этом сказала сама Алевтина Федоровна. Кстати, нас с тобой сейчас в тренажерном зале ждет еще один человек. Я с ним уже договорился, он в курсе относительно тебя.

Лариса снова почувствовала раздражение, совсем как в тот момент, когда он зашел к ней в кабинет. Этот авантюрист, как всегда, опережал события, по делу и без дела.

– И кто же этот человек?

– Некто Гатауллин Равиль Ринатович. Этот давний приятель покойного частенько захаживал в тренажерный зал подкачнуться.

– Стоп, а как, собственно, звали самого покойного?

– Соловьев Виталий Владиславович, – ответил Котов. – Такой мужчина видный, мой ровесник, но силен был, как бык.

Евгений поиграл своими пока достаточно дряблыми мышцами, не успевшими набрать соки в тренажерном зале.

– Так вот, Соловьев не возражал, хотя официально Гатауллин в группе занимающихся не числился, – продолжил он. – Мне этот Равиль, честно говоря, не очень нравится...

– Почему? – усмехнулась Лариса. – Потому что не пьет?

– Ну что ты такое говоришь! – всплеснул руками Котов, с укором глядя на Ларису. – Я и сам давным-давно уже не пью, ты же знаешь. У меня складывается впечатление, Лара, что ты нарочно меня поддеваешь, хочешь, чтобы я снова сорвался и запил от обиды.

Котов надулся и обиженно отвернулся к окну.

– Ладно, ладно, – посмеиваясь, махнула на него рукой Лариса.

Она-то знала, что под словами «давным-давно» подразумевается что-то около года. Да и то это время не было ознаменовано полнейшим отказом от алкоголя. Просто Евгений держался немного, потом его кто-то уговаривал выпить рюмочку, за которой, естественно, следовали еще и еще, а потом он пил, как и в добрые старые времена, – несколько дней. Затем, правда, брал себя в руки и держался некоторое время, до очередной встречи с добрым приятелем.

Хотя справедливости ради нужно отметить, что в общем пить Котов стал значительно меньше. И выглядеть Евгений стал лучше, и к жене с дочерью относился лучше, да и дела его фирмы поправились. И вообще старается – в тренажерный зал вон начал ходить!

И Лариса согласилась поехать с мужем и выслушать все известное об убийстве тренера Соловьева. В то время, когда состоялся драматический разговор между администратором Степаныхом и ее мужем Котовым, она заканчивала бухгалтерские дела. Это заняло где-то около десяти минут. Потом Степаныха позвали к шеф-повару, и они с Ларисой разминулись.

Лариса проблем и мыслей Степаныха, соответственно, ведать не ведала, а если бы и знала, то они были бы ей до лампочки. Она уже предвкушала новое дело.

* * *

Едва Лариса вошла в вестибюль спорткомплекса, где и находился тренажерный зал, Котов как-то покровительственно взял ее под руку и повел вверх с видом завсегдатая или даже хозяина этого здания.

Евгений толкнул одну из дверей, и они очутились в тренажерном зале. Им навстречу сразу же двинулась высокая стройная брюнетка, очень яркая и привлекательная. Несмотря на то что, по словам Котова, этой женщине было около сорока, она умудрилась сохранить красоту и свежесть. Большие черные глаза смотрели на Ларису и Евгения с тревогой и вопросом.

– Алевтина Федоровна, разрешите представить вам мою супругу, – выступил вперед Котов.

– Лариса, – кивнула та.

– О, добрый вечер, – проговорила Алевтина низким грудным контральто, делая жест в сторону выхода. – Я думаю, нам лучше поговорить у меня в кабинете. Равиль, пойдем с нами! – позвала она мужчину, странно лысого в его годы, лет тридцати пяти, который стоял у окна и до прихода Котовых разговаривал с Алевтиной.

Тот неторопливо, с невозмутимым видом двинулся следом, по дороге представившись Ларисе и глядя на нее несколько пустым взглядом флегматика. «Действительно спокоен или хочет казаться таким», – подумала Лариса.

Едва они расселись в небольшом кабинете Алевтины Федоровны, больше похожем на раздевалку, на стульях у стены, Лариса, отбросив церемонии, с ходу стала задавать вопросы.

– Прежде всего, Алевтина Федоровна, скажите, с какого по какое число проходила ваша поездка в Чехию?

– Выехали мы из Тарасова шестого июня. А вернуться должны были тринадцатого.

– Всего неделю, – важно вставил Котов, будто сообщил что-то особо важное.

– А как произошла трагедия? И когда? – спросила Лариса.

– Это случилось девятого. Виталий отправился куда-то по делам, а я осталась дома...

– Стоп, – перебила ее Лариса. – Давайте-ка все-таки полностью восстановим картину.

Как мне сообщил Евгений, вы поехали туда к родственникам. Что это за родственники, чьи они, почему вы решили их навестить и что вы понимаете под словом «дом»?

– Хорошо, я расскажу все по порядку, – согласно кивнула Алевтина. – Дело в том, что мать Виталия давно уехала в Чехию на постоянное место жительства. С собой она взяла младшего брата, Алексея, а всего у нее детей трое: Сергей, Виталий и Алексей. Это случилось в восемьдесят четвертом году, Виталию тогда было двадцать лет, а старшему, Сергею, двадцать пять. И они наотрез отказались уезжать из Союза. У Сергея даже возник конфликт с матерью по этому поводу. Я не знаю точно, что там произошло, я не вдавалась в подробности. Знаю только, что Сергей с тех пор мало общался с обоими братьями.

– Он до сих пор живет в Тарасове? – перебила ее Лариса.

– Да. И если вам нужно с ним поговорить, то вы можете это сделать послезавтра... Как раз состоятся поминки – девять дней со дня смерти Виталия... – Она смахнула слезу, но тут же взяла себя в руки. – Так вот, происходить все это будет у меня дома, придут только родные, их очень мало... И Сергей, я так думаю, должен прийти. Во всяком случае, я ему позвоню. Так что и вы приходите, пожалуйста, к трем часам.

– Непременно, – заверила Байбакову Лариса. – А теперь давайте все-таки вернемся к Чехии.

– Да-да, – спохватилась Алевтина Федоровна. – Итак, Виталий пригласил меня в Прагу, чтобы познакомить со своим младшим братом. Мать у них умерла год назад, а Алексей живет в Праге со своей семьей. Все было замечательно, мы благополучно долетели, нас хорошо приняли... Алексей показывал нам Прагу, самые интересные места, мы посетили даже замок. Казалось, ничто не предвещало беды. И вот... Так неожиданно все получилось, просто ужасно!

Она потемнела лицом и закрылась руками. Лариса терпеливо ждала, когда женщина снова будет в состоянии продолжать разговор, а Котов тем временем, нервно потрясывая ногой, предложил:

– Может быть, стоит совсем чуть-чуть выпить? Для расслабления, так сказать...

Алевтина, казалось, не расслышала его реплики, а Лариса незаметно показала Котову кулак. Равиль Гатауллин по-прежнему казался безучастным ко всему происходящему.

– Извините, – Алевтина отняла руки от лица и продолжила: – Девятого, среди дня, Виталий неожиданно заявил, что ему нужно уехать по делам. Я еще удивилась – какие у него могут быть дела? К тому же все предыдущие дни мы проводили вместе... Но возражать я, естественно, не стала – мало ли что может быть... А зря! Если бы настояла, выспросила у него все, этой трагедии могло бы и не быть. Одним словом, он уехал, обещал вернуться вечером. Но пробило уже десять вечера, а уехал он в два. Я начала волноваться. Еще через час я не выдержала и попросила Алексея позвонить в полицию – сами понимаете, чужая страна, незнакомые порядки... Что я могла думать? Да все, что угодно! Что его задержали за какое-нибудь нарушение паспортного режима, что просто по каким-то причинам заинтересовались его личностью, что ему стало плохо, в конце концов! Хотя это совсем маловероятно, с его-то здоровьем и физической формой, но разве может женщина в таких случаях рассуждать здраво? В общем, в полицию мы позвонили, сообщили все данные... Нас постарались успокоить и посоветовали ждать, а они, мол, примут дальнейшие меры... Прождали мы до трех часов ночи. К этому времени уже, кажется, никто не сомневался, что произошла, по меньшей мере, неприятная история.

Алевтина горестно вздохнула и достала сигарету. Равиль молча протянул ей зажигалку.

– И что же случилось в три часа ночи? – спросила Лариса.

– Нам позвонили и сказали, что обнаружен труп мужчины, при котором найдены документы на имя Виталия Соловьева. Пригласили приехать в морг... Господи, мне до сих пор жутко об этом вспоминать! Я была как во сне, двигалась как заторможенная. Алексей сам отвез меня в морг на своей машине, и там... Там я и увидела Виталия. Мертвого... Конечно, я сразу его узнала, просто не могла ничего толком объяснить, со мной началась истерика... Потом со мной разговаривал какой-то представитель полиции, спросил, кто я и когда в последний раз Виталия видела. Я объяснила как могла, хорошо еще, что Алексей был рядом и помог мне собраться с мыслями, сама я плохо соображала. Затем он отвез меня домой, его жена дала мне успокоительное – она и сама была в шоке. До утра я проспала, затем меня снова вызвали в полицию. Там я уже более четко постаралась ответить на вопросы. Ну а затем... Была обычная рутина, соблюдение формальностей, улаживание дел, перелет... У меня это плохо отложилось в голове, потому что, как вы, наверное, сами понимаете, в подобном состоянии трудно сосредоточиться...

Активнее всех закивал Котов, с самым серьезным и проникновенным видом.

– А потом, – со вздохом заключила Алевтина, – я вернулась в Тарасов тем же рейсом, которым мы собирались вернуться вместе. Только Виталию суждено было вернуться в гробу... А потом здесь были похороны, опять же улаживание формальностей. Вот, собственно, и все. Сегодня мы оба должны были приступить к работе, и я пришла в спорткомплекс, хотя уже заранее договорилась с начальством, что беру отпуск за свой счет на месяц. Я пришла скорее просто так... Вышла к людям, которые занимались у Виталия, хотя все уже были предупреждены о том, что занятий не будет – нового тренера еще не подобрали, все произошло так внезапно. И вот спасибо судьбе, что мне предложил помощь Евгений Алексеевич, – Алевтина благодарно взглянула на Котова, который почувствовал себя по крайней мере благородным рыцарем, готовым на любой подвиг ради прекрасной дамы.

– Понятно, – мысленно уложив рассказ женщины в голове, проговорила Лариса. – И у вас нет никаких предположений, что послужило причиной убийства?

– Абсолютно, – покачала головой Алевтина.

– А где нашли его тело?

– Около Кладно. Это такой маленький городок, в пятидесяти километрах от Праги. Промышленный пригород, по сути дела... Там металлургический завод и еще какие-то предприятия. Я еще удивилась, что ему там понадобилось?

– Никто из его знакомых там жить не мог?

– Насколько мне известно, нет, – ответила Алевтина. – Он вообще ни разу не упоминал в разговорах этот город.

– А у него были при себе деньги в тот вечер?

– Нет. Ну, сущая мелочь – на проезд, на всякие пустяки, туда-сюда... – пожалала плечами Байбакова. – Нет-нет, основная сумма оставалась у меня, с собой.

– Так что это не убийство с целью ограбления, – с видом знатока прокомментировал Котов.

– Похоже, что так, – задумчиво кивнула Лариса. – А в Праге у вашего жениха были знакомые, кроме брата и его семьи?

– Только общие знакомые с братом. Они приходили в гости в день нашего приезда, знакомились с нами. Но Виталий сам их впервые видел, и никаких конфликтов между ними, разумеется, не возникло. Я просто не знаю, что и думать! – в отчаянии заломила руки Алевтина.

– Думать буду я, – как могла успокоила ее Лариса. – Ваша задача – как можно полнее воспроизвести картину вашей жизни. Меня интересует все – и что происходило в Чехии, и то, что было между вами здесь.

– Хорошо, я отвечу, – закивала Байбакова. – Может быть, Равиль что-то добавит.

Она кивнула в сторону насупленного Гатауллина. Выглядел этот человек очень мужественно. И эту мужественность, помимо очень «конкретной» прически, подчеркивали татуировки и цепь на шее.

– Да, а чего я? – тут же нахмуренно отмахнулся он. – Я-то чего могу сказать?

– А вы, я так понимаю, приятель Соловьева? – обратилась к нему Лариса.

– Ну, можно сказать...

– В таком случае, может быть, вы можете предположить, кто желал плохого Виталию? – в лоб спросила Котова.

– Да ну... Как-то... – растерялся Гатауллин, наморщив лоб.

Лариса внимательно смотрела на него. Человек этот не производил впечатления особо общительного, более того, человека, способного сказать что-то определенное. Пока что он не произнес ни одной вразумительной и хоть сколько-нибудь распространенной фразы.

«Видимо, придется где-то выяснять, что он за человек, – сделала она вывод. – Сам Равиль Ринатович вряд ли расскажет о себе подробно. Но пока нужно попытаться выудить из него хоть какие-то сведения. И вопросы задавать те, которые требуют точного и прямого ответа».

– Равиль Ринатович, – решительно обратилась она к Гатауллину, – как давно вы были знакомы с Виталием?

– Ну... – Гатауллин наморщил лоб. – Лет пятнадцать, наверное.

– И как вы познакомились?

– Да как... Просто. На тренировке.

– На какой? – продолжала напирать Лариса.

Ее вдруг охватило раздражение на этого молчаливого и какого-то угрюмого типа. Вот уж чурбан неотесанный, который не в состоянии связать двух слов и интересуется небось только объемом своих мускулов.

– Давно это было, – произнес Гатауллин. – Мы совсем еще пацанами были, лет по восемнадцать. Секция как раз новая открылась, по боксу. Ну я и пошел туда. И Виталька тоже. Там и познакомились.

– А потом как складывались ваши отношения?

Гатауллин неопределенно пожал плечами, затем, поймав раздосадованный взгляд Ларисы, ответил уже более развернуто:

– Подружились. После тренировок пиво ходили пить, ну, и все такое. Так и пошло.

– А вы давно посещаете этот тренажерный зал?

– Год назад пришел, узнал, что Виталий теперь тут работает.

– А до этого где занимались? – не отставала Лариса.

Гатауллин отвел взгляд в сторону. Затем хмуро произнес:

– Так... Другие дела были.

– Вы сейчас где работаете? – с важным видом вставил вдруг Котов.

Гатауллин выразительно посмотрел на него и прямо ответил:

– Нигде.

– Понятно, – со вздохом констатировала Лариса, решив, что поговорит о Равиле Ринатовиче с самой Алевтиной Федоровной наедине. – А где вы находились во время поездки Виталия в Чехию?

– Дома был, – Гатауллин, казалось, слегка начал раздражаться.

– Вы живете один?

– Да.

– Ну что ж, – Лариса повернулась к Байбаковой. – Алевтина Федоровна, расскажите теперь о своих отношениях с Виталием. Как вы познакомились?

– Познакомились мы здесь, – начала тренерша. – Это было два года назад. Вернее, я здесь тогда уже работала, а Виталий только что пришел. А отношения... Как они обычно складываются у взрослых людей? Не станете же вы слушать, в какие кафе и рестораны мы ходили!

– Нет, конечно, – кивнула Лариса. – Я имела в виду так, в общих чертах.

– У нас все складывалось довольно гладко и ровно, мы жили без скандалов...

– А вы жили вместе? – перебила ее Лариса.

– Последние полгода. Это уже после того, как мы договорились о свадьбе. Правда, приходилось жить то у меня, то у него, потому что у меня взрослый сын и, к сожалению, он вырос большим разгильдяем, так что я не могу оставлять его надолго без присмотра. Мы когда в Чехию-то уезжали, я волновалась.

– Что, такой ненадежный парень? – удивилась Лариса.

– Да! – Байбакова с раздражением махнула рукой. – Безответственный совершенно. Институт совсем забросил, боюсь, того и гляди вышибут, работать тоже не хочет... Я сама виновата, избаловала его, – призналась она. – Я с мужем очень давно развелась, почти сразу, как Артем родился. Пил он сильно, – пояснила она. – И чувствовала себя немного виноватой, что мальчишка без отца растет. Старалась все для него делать, чтобы ни в чем не нуждался. Да, видимо, перестаралась, – с горькой усмешкой заключила она.

Котов озабоченно кивнул.

– Вы, наверное, хотите спросить, почему я повторно не вышла замуж, когда была еще совсем молодой? – продолжала Алевтина Федоровна. – Видимо, боялась наступить на те же грабли: обжегшись на молоке, дула на воду. Не хотела снова на пьяницу нарваться. А вообще-то, если честно, просто не нравился никто. Я, знаете, люблю настоящих мужчин – сильных, уверенных в себе, надежных...

Котов при этих словах гордо выпрямился и расправил грудь, несколько свысока поглядывая на присутствующих.

– А в наше время мужчины обмельчали, – продолжала Байбакова. – Ничего не умеют и, главное, не хотят. Все стараются за счет женщины прожить. В гости придут – цветочка не принесут, зато норовят еще и попользоваться чем-нибудь. Я таких не уважаю. А их, к сожалению, большинство. За собой не следят, в тридцать пять лет уже животы висят, мешки под глазами, одышка... В жизни ничего достичь не могут, только плакаться в жилетку умеют. Сколько ни знакомилась в свое время – ни на ком не могла выбор остановить. Нет, женщина должна чувствовать себя с мужчиной, как под надежным крылом. Вот тогда она будет счастлива!

Алевтина Федоровна производила впечатление женщины, которая сама кого угодно может взять под крыло. Однако твердость и уверенность в себе соседствовали в ней с женственностью и мягкостью. Лариса почувствовала, что Байбакова, прожившая много лет вдвоем с сыном и разочаровавшаяся во многих мужчинах, по-видимому, сохранила в душе большой запас нерастраченной ласки и заботы, которую готова была подарить своему «настоящему мужчине». Наверное, большую часть нерастраченных чувств она переносила на своего сына, поэтому он и вырос таким, по ее словам, «безответственным разгильдяем».

– Алевтина Федоровна, а как складывались отношения у вашего сына с Виталием? – затронула Лариса еще одну тему.

– Не очень гладко, – подумав, ответила Байбакова. – Артем вообще большой эгоист. Всегда считал, что мамочка живет только для него. А мамочке вот вздумалось и для себя пожить, – усмехнулась она. – К тому же Виталий был человеком жестким, порой даже резким. Он не очень-то позволял Артему выпендриваться и задирать нос. И мне не позволял. Знаете, я ему за это очень благодарна. Именно благодаря Виталию я сама стала гораздо строже с Артемом, многое начала ему запрещать. Конечно, это нужно было делать гораздо раньше, но, увы... – развела она со вздохом руками.

– А как вы уживались все втроем?

– По-разному, всякое бывало. Хотя мы не всегда жили втроем, – я же говорю – периодически уходили на квартиру к Виталию. А когда жили у нас, то Артем порой устраивал скандалы и истерики. Вернее, устраивал он их мне, потому что Виталий вмиг пресек бы подобные выходки. Кричал на меня, что я променяла сына на чужого мужика, что я не даю ему жить так, как он хочет. Хочет! Если жить так, как он хочет, нужно иметь огромный счет в Швейцарском банке. И тот закончится через год. В общем, пытался спекулировать материнскими чувствами, как всегда делают избалованные дети.

– А с самим Виталием как проходило их общение? – поинтересовалась Лариса.

– Ох, ну Артем порой позволял себе всякие глупые детские номера. Телевизор демонстративно переключал на другой канал, замок на дверь в свою комнату повесил... Как обиженный ребенок, – вздохнула Алевтина Федоровна.

– А где вы собирались жить после свадьбы? – уточнила Лариса.

– У меня в квартире, – ответила Байбакова. – У меня двухкомнатная, а у Виталия однокомнатная. Мы планировали отправить туда Артема. Хотя боюсь, что мне пришлось бы навещать туда ежедневно. Теперь уже не придется, – дрогнувшим голосом заключила она.

– А у самого Виталия не было детей?

– Нет, – покачала она головой.

– А почему? Он ни разу не был женат?

– Нет, не был. Я сама удивилась, когда узнала об этом. Все голову ломала – такой мужик классный, почему же так получилось?

– И что он говорил по этому поводу? – полюбопытствовала Лариса.

– Шутил, что с его характером трудно ужиться, – улыбнулась она. – Характер у него и в самом деле был крутоват, но все-таки, наверное, причина не в этом. А в чем? Ну, не знаю, скорее всего просто так сложилось... Не встретил никого подходящего, вот и все, – пожалала плечами Алевтина Федоровна.

– Равиль Ринатович, – обратилась Лариса к молчавшему Гатауллину. – А вы что-нибудь можете сказать по этому поводу? Все-таки вы с юности были знакомы с Виталием. Почему он так и не женился в свое время?

Гатауллин ответил своим обычным пожиманием плечами. Потом, наморщив лоб, сказал:

– Он другими делами увлекался. Спорт любил, потом в армию пошел... Он, вообще-то, рассудительный всегда был, не влюблялся сгоряча, как многие по молодости... Потому, наверное, и не женился рано, как многие из друзей. А потом уже более серьезно стал об этом думать. Вот и нашел... Алевтину, – он показал глазами на Байбакову, которая, вспомнив о своей неудавшейся роли жены Соловьева, снова едва сдерживала слезы.

Лариса задумчиво кивнула ему головой в знак того, что все поняла. И вновь задала тот же прямой вопрос:

– Как вы думаете, кто мог желать смерти Виталию? Это очень важно, если исключить возможность случайного убийства.

– Вы думаете, что кто-то специально поехал за нами в Чехию, чтобы там убить Виталия? – ахнула Алевтина Байбакова.

– Такую возможность нельзя исключать, – сказала Лариса.

– Да, кстати, ведь между Россией и Чехией безвизовый проезд, – снова важно вставил Котов. – Очень удобно, можно проехать, нигде не регистрируясь. К тому же дешевле, не надо покупать визу.

– Спасибо, – слегка усмехнувшись, поблагодарила Лариса мужа. – Так вот, в связи со всем этим я бы хотела познакомиться с людьми, которые окружали Виталия Владиславовича.

Байбакова вздохнула и, прикинув что-то в уме, проговорила:

– Приходите на поминки.

– Мне кажется, это будет наиболее удобный момент, – снова со знанием дела заявил Котов. – Правда, там обычно, кроме родственников, никого особо не бывает. И вряд ли тот, кто виноват в смерти Виталия, явится туда.

– Все равно, – заключила Лариса. – Познакомиться нужно со всеми.

Глава 2

Поминки тренера Виталия Соловьева были выдержаны в духе традиций. И по ассортименту блюд на столе, и по составу тех, кто захотел помянуть его.

– ... И ведь умница-то какой был, а? И голова светлая, и руки ловкие, и вообще... Золото, а не парень! – скорбно приговаривала пожилая женщина в черном платке, с чуть подрагивающими руками, покачивая головой.

Ей поддакивал сидящий рядом пожилой плешивый мужчина, не забывавший опустошать свою рюмку. Было видно, что это занятие очень ему было по душе. Наконец он не выдержал, не стал дожидаться окончания чьей-то тирады и выпил молча, сумрачно глядя на свою пустую рюмку. А женщина все вела высоким жалобным сопрано свою тему:

– Я же его с малых лет помню, на руках еще нянчила. Такой смысленный мальчик рос, я Наде сразу сказала, что из него толк выйдет. И надо же такому случиться, а! В расцвете лет, ни за что ни про что... Господи, мать-то слава богу раньше умерла, не узнала горя такого...

– Да! – пробасил дядя с плешью, по новой наполняя рюмки. – Я помню, как на рыбалку его с собой брал, лет десять тогда ему было, а он уж все сообража-а-ал! – с восхищением покрутил он головой. – И червей сам копал, и на крючок их насаживал – на лету все схватывал! Да! Ну, земля пухом!

– Земля пухом, – прошепелестели над столом приглушенные голоса, затем последовал дружный вздох, и все выпили за упокой души.

Сидевшая на краю стола Лариса внимательно приглядывалась к собравшемуся на поминках люду. Пожилая пара, еще три пожилых женщины... Их можно было смело относить к той категории родственников, которые обнаруживаются обычно именно на таких вот траурных мероприятиях. В остальное время они тихо-мирно живут себе по своим квартирам, не напоминая о себе. Зато стоит кому-нибудь отправиться в мир иной, как сразу же появляются из небытия и стенают о покойнике громче всех.

Уже знакомый Ларисе косноязычный татарин Равиль Гатауллин молча ел, лишь пригубив для приличия рюмку. Рядом с ним восседала пара средних лет – крепенький мужичок в притемненных очках и высокая, худая, почти высохшая дама с по-птичьи острыми чертами лица. Мужичок не выглядел особо скорбным, он с хорошим аппетитом уплетал закуски, а дама, у которой слегка слезились глаза, устремляла время от времени свой взгляд к серванту, на верху которого был выставлен портрет Виталия Соловьева с черной лентой в уголке.

– Кто это? – наклонившись к сидевшей рядом с ней Алевтине, спросила Котова.

– Друг Виталия, бизнесмен Павел Берендеев. И его жена, Маргарита, по-моему, ее зовут... – ответила Байбакова. – А рядом с ними старший брат Виталия, Сергей.

Лариса пригляделась внимательно к мужчине с пышными волосами. Лицо его было красноватым, с характерными для пьющего человека прожилками, а под глазами нависали большие мешки. Рубашка чуть расстегнута, и через нее просматривалась пышная седая растительность на груди. Если бы не впечатление некоей, скажем так, алкоголической запущенности, мужчина вполне мог претендовать на имидж светского льва.

– Он бывший хирург, – продолжала свой рассказ Байбакова. – Работал в Первой городской больнице. А потом... Неудачно провел одну операцию, его уволили... Больше он не оперировал, перешел работать в лабораторию, рентгенологом стал. Я его плохо знаю, видела всего несколько раз. Они с Виталием мало общались.

– ... Виталий был очень надежным человеком, – услышала тем временем Лариса голос Павла Берендеева. – С ним и дела легко было вести, и друг он хороший. Даже не понимаю, как такое могло произойти. С его-то спортивными навыками!

Лариса невольно прислушалась. Рассуждения насчет того, как это могло случиться с Виталием Соловьевым, ее очень интересовали.

– Да бандиты какие-нибудь! – выдала свою версию одна из пожилых родственниц. – С ними разве сладишь, какой бы здоровый ни был! У них и ножи, и все, что хочешь!

– Бандиты, бандиты! – перебил ее мужчина с плешью. – Много ты понимаешь! Это здесь бандиты, а там, в Чехословакии-то, какие бандиты! Там все чисто в этом смысле. Лешка-то приезжал, рассказывал...

– А кто ж тогда? – вступила в разговор другая родственница.

– Не знаю я, – отрезал мужик. – Того, кто сделал, пускай совесть замучает! Может, и знаем мы его...

И, выдержав паузу, под испуганными взглядами родственниц добавил с еще большим запалом:

– Вот так! Сейчас время такое...

– Это вы на что намекаете? – спросила жена Берендеева.

– Ни на что не намекаю, – как-то резко ответил тот. – Не хочу ничего говорить. Он там, – воздел мужчина глаза к потолку, – все видит. Его не проведешь.

И прокурорским взглядом обвел собравшихся. Под его взглядом невольно потупил взор сидевший рядом с Алевтиной молодой парень, модно одетый шатен с короткой стрижкой. Как уже успела узнать Лариса, это был сын Алевтины, непутевый студент Артем Байбаков. Парень очень вяло ел, практически не пил и всем своим видом демонстрировал, что он находится явно не в своей компании. Словно делегат «из народа» на партийной конференции, ждал, чтобы официальное мероприятие поскорее кончилось и он смог вернуться в свою родную среду. Разумеется, речь шла о молодежной компании, беззаботно тусующейся по каким-нибудь барам и дискотекам.

Берендеев же поспешил смягчить ситуацию, которую старательно обострял плешивый мужик, которого все называли дядей Колей. Он взял бутылку водки и начал разливать по рюмкам. После того как покойный был помянут в очередной раз, люди, пришедшие раньше остальных, уже закончили обед. Среди них оказался и старший брат Соловьева. Покончив с поминальной трапезой и перекрестившись, он двинулся на кухню, доставая по пути из кармана рубашки сигареты.

Лариса решила воспользоваться ситуацией и познакомиться с Сергеем Владиславовичем поближе. Она прошла за ним следом и тоже вытащила свои сигареты. Сергей дал ей прикурить от своей зажигалки и, кивнув в сторону комнаты, спросил:

– В спорткомплексе, наверное, тоже работаете?

– Нет, – ответила Лариса. – С чего вы взяли?

– Ну, вы с Алевтиной вроде пришли. Я думал, коллеги-подруги.

– Нет, вы ошибаетесь, – Лариса решила не скрывать цели своего визита. – Алевтина Федоровна всего лишь наняла меня расследовать причину смерти Виталия.

Пышные брови Сергея удивленно поднялись вверх. Он окинул Ларису уже более внимательным взглядом и уточнил:

– Вы из милиции, что ли?

– Нет, я занимаюсь этим делом частным образом.

– А что, у нас уже и до этого дошло? – хмыкнул Соловьев-старший.

– В какой-то степени. Поэтому я и хотела поговорить с вами как с человеком, хорошо знавшим Виталия.

– Да знать-то я его знал, – пожал плечами Сергей. – С детства, естественно. Только уж, наверное, лет десять, как мы с ним поругались, прости господи... Так и не помирились. А теперь уж поздно, – со вздохом закончил он фразу.

– А что же послужило причиной вашей ссоры?

– Это семейные дела. Точнее даже, мои личные. Я думаю, что к смерти Виталия это вряд ли имеет отношение. Тем более давняя история, столько уже изменилось с тех пор...

«Наверное, придется уточнить у Алевтины насчет этой давней истории, – подумала Лариса. – Если она, конечно, в курсе».

– Я виделся-то с ним раз в год, когда мать с братом в гости приезжали. А как мать умерла, так вообще почти не встречались. Лешка не приезжает теперь, у него свои дела. А Виталий вон жениться надумал, канителью этой занимался. Меня-то он даже на свадьбу не пригласил. Ну, это я ему простил, конечно... Чего уж теперь.

– А вы сами в Чехии не были? – поинтересовалась Лариса.

– Один раз был, давно уже. Почти сразу как мать с Лешкой туда уехали. Да потом еще один раз, когда мать умерла. На похороны ездил. Это два года назад было.

– А как вы узнали о смерти брата, кто вам сообщил?

– Алексей позвонил по международному. Я еще удивился – прямо с утра звонок раздался, я спал еще. А он сказал: мол, только что из морга вернулся, Виталия убили. Сказал еще, что на похороны приедет вместе с Алевтиной. Ну... а потом он уж в Тарасове мне перезвонил, мы насчет похорон договорились. Похоронили, и Лешка через два дня уехал, не остался на девять дней... У него же там тоже работа, понятно это все. А вы, что же, и в Чехию поедете? С Лешкой разговаривать?

– Пока не знаю, но думаю, что придется. И не только чтобы поговорить с Алексеем. Ведь убийство совершено там. Кстати, вам ничего не известно о том, были ли у Виталия какие-то дела в Чехии, помимо встречи с братом? – спросила Лариса без особой надежды на успех – Сергей ведь недвусмысленно дал понять, что почти ничего не знает о жизни брата в последнее время.

– Понятия не имею, – снова пожал плечами Соловьев.

В это время на кухню зашла Маргарита Берендеева. Она достала сигарету и нервным движением щелкнула зажигалкой. Следом за ней в кухню зашел ее муж, но, повертевшись, решил, что там слишком тесно, и исчез в ванной комнате.

Но так не посчитал раскрасневшийся от поминальных рюмок плешивый дядя Коля. Чуть не столкнувшись в узком коридоре с Берендеевым, он размашисто прошагал на кухню и, отеснив плечом прижавшуюся к буфету Маргариту, решительно занял ее место.

– Сейчас ведь нужно быть таким, понимаешь, аккуратным! Таким, понимаешь, осторожным! – эмоционально начал он. – Под каждым, понимаешь, кустом тебя грохнуть норовят.

Дядя Коля обвел осоловелыми глазами собравшихся в кухне, особенно подозрительно глянув на Маргариту и Ларису.

– Никаких лишних знакомств! Только проверенным людям доверять можно! – подняв вверх указательный палец, назидательно изрек он.

– А Виталий что, был неосторожным? – с интересом спросила Лариса.

Дядя Коля еще более недружелюбно покосился на нее и сказал:

– У меня племянник был золото, а не племянник! А вот от братьев отделился.

И уже с укором глянул на Сергея.

– Вы-то куда смотрели? – громко спросил дядя Коля. – Ты же старший! Должен был за братьями следить. Молчишь? Стыдно небось! Вот то-то и оно!

Сергей, который откровенно не понимал, за что ему должно быть стыдно, с недоумением пожал плечами и довольно миролюбиво ответил:

– Дядя Коля, ты если обвинять кого хочешь, так и скажи. Вот этот, мол, Виталия со света и сжил. А то ты чего-то не по делу совсем говоришь...

– Не по делу? – грозно сдвинул брови неугомонный дядя. – Посмотрим, кто не по делу говорит, посмотрим! Вот милиция-то докопается, кто из вас моего самого лучшего племянника на тот свет отправил! Докопается!

Сергей только обреченно махнул рукой и повертел пальцем у виска. В этот момент неожиданно вступила молчавшая до сих пор Маргарита Берендеева.

– У вас есть предположения? – серьезно спросила она.

– Предположения пусть милиция строит, – отрезал дядя Коля. – А я говорю, чего думаю.

– И что же вы конкретно думаете? – вступила Лариса.

– А то! – совсем разошелся дядя Коля. – Расплодилось друзей – ни пройти, ни проехать! И подружек! – кинул он презрительный взгляд в сторону Маргариты. – Прикидываются только друзьями, а сами норвят в могилу свести! Думаете, я вас не вижу? Я вас насквозь всех вижу!

Дядя Коля не на шутку разбушевался. На его крики в кухню влетела его супруга в сопровождении еще одной родственницы.

– Да хватит тебе уж! – хватая дядю Колю под руку, напустилась на него жена. – Несешь не знамо чего! Иди проспись вон лучше! На поминках напился, стыд какой!

Она схватила мужа цепкими руками и привычным жестом стала выталкивать его из кухни. Дядя Коля, видимо привыкший к подобному завершению своих геройств, практически не сопротивлялся, он что-то забубнил и, обернувшись, кривляясь, покрутил руками в воздухе, показывая всем остальным язык.

– Ох, господи, мозги-то уж пропил все! – в сердцах со вздохом проговорила оставшаяся на кухне родственница, качая головой. – Это, как ее... Аля! Тебе помочь что? – крикнула она в сторону зала.

– Не надо, тетя Маня, – послышался оттуда голос Байбаковой. – Сама справлюсь. Дядю Колю лучше помогите домой отправить.

Лариса краем глаза видела, что в прихожую прошмыгнул на выход и Артем, буркнув что-то неопределенное в ответ на строгий вопрос матери, когда он сегодня вернется домой. Потом Алевтину отвлекла одна из тетушек, Артем воспользовался паузой и быстро испарился.

А тетя Маня не спешила покинуть кухню. Она снова покачала головой и, прислонившись к холодильнику со сложенными на груди руками, проговорила:

– Коля, в общем-то, прав. Дружил Виталий не поймешь с кем, вот она, беда-то, и пришла.

– Это вы о ком? – обратилась к ней Лариса.

– Да вон... – тетя Маня понизила голос и с какой-то опаской покосилась на дверь в комнату, где остались Алевтина и Равиль Гатауллин. – Бандит-то этот... Недаром я еще тогда его опасалась!

– Тогда – это когда? – уточнила Лариса. – И почему вы его опасались?

– А как же! – всплеснула руками тетя Маня. – Он же сидел!

– Вот как? И вы знаете, за что?

– Ой, я толком дел этих не знаю и даже вмешиваться не хочу! – махнула рукой родственница. – Вроде как за рэкет какой или чего... Я Виталию еще тогда говорила: не водись с ним, с татаринном этим, – голос тети Мани упал до шепота. – Это, милый мой, до добра-то не доводит! Не послушал тетку-то, вот и...

Она не договорила, со вздохом покосившись на Маргариту. А та, докурив уже вторую сигарету, быстро пошла в комнату. По пути ее перехватил муж. Он что-то настойчиво зашептал ей на ухо. Маргарита отмахнулась, тогда Берендеев легонько поднял ее лицо за подбородок и пристально поглядел жене в глаза. Та с раздражением отмахнулась еще раз. Она прошла в зал, а Берендеев, глубоко вздохнув, проследовал за ней.

Проводы дяди Коли, однако, затянулись. Надев один ботинок, он что-то назидательно выговаривал Сергею, который к этому времени тоже находился уже в прихожей. Агрессивный запал дяди Коли кончился, но стремление к общению не иссякало. Лариса выглянула в коридор и увидела, что дядя Коля, держа Сергея за пуговицу рубашки, доверительно склонился к его уху и, пытаясь приобнять за плечо, говорил:

– Вот ты понимаешь, Серег, что я хотел сказать?

Соловьев кивал, пытаясь откреститься от назойливого родственника, указывая ему попутно пальцем на второй ботинок. Дядя Коля, кряхтя, нагнулся, взял его в руки и снова приник к племяннику:

– Ты ж со мной согласен? – настойчиво вопрошал он.

– Да, да, – кивал Сергей. – Давай, дядь Коль, встретимся с тобой после и поговорим об этом.

– В-встретимся! – икнув, согласился дядя Коля.

Его жена, не выдержав, сама надела ему ботинок и зашнуровала, после чего, буквально выпихнув мужа на лестничную клетку, обернулась и крикнула:

– До свиданья! Спасибо, Аля! Звони нам.

Лариса прошла в комнату. Алевтина и Равиль молча сидели за столом. В руках у женщины дымилась сигарета, она думала о чем-то своем. Маргарита сидела, отвернувшись к окну, и ни на кого не обращала внимания. Муж ее стоял рядом и был явно раздражен. Он поглядывал на часы и переминался с ноги на ногу.

– А ведь как все хорошо начиналось! – вздохнула Байбакова, нарушая паузу, воцарившуюся на некоторое время в комнате. – Свадьбу наметили на начало июля. Я ведь как раз с Алексеем, братом Виталия, знакомиться ехала, приглашать его... Он нас и в свадебное путешествие потом к себе звал, но Виталий сказал, что в Чехию не поедет, а хочет куда-нибудь на море. Теперь вот ни туда ни сюда...

– Аля, а как вы познакомились-то, я давно спросить хотела, – подала голос тетя Маня, которая в это время потихоньку принялась все-таки заниматься хозяйственными делами – сгребать грязную посуду со стола.

Алевтина вздохнула и тихо проговорила:

– Да познакомились-то мы довольно просто – я вот как раз недавно рассказывала Ларисе Викторовне. На работе, в спорткомплексе. Он вел свои занятия, а я свои. После работы вместе кофе пили внизу, в буфете. Или у кого-то в раздевалке. Я чувствовала, конечно, что нравлюсь ему – это же любая женщина сразу понимает... И он мне тоже нравился. А однажды он пришел ко мне перед занятиями и положил на стол сверток. Я спросила, что это? А он ответил: «Это то, в чем я хотел бы тебя здесь видеть». Я развернула, а там лежал костюм для занятий. Очень красивый, черно-красный и дорогой, фирменный. Это я как-то пожаловалась ему, что мне не нравится мой старый, а другой никак не могу подобрать. А он нашел. Наверное, не один магазин обошел, пока выбрал. И главное, он мне подошел идеально. Он до сих пор у меня, я только в нем и вела занятия... – В глазах Алевтины появилось романтическое выражение.

Тетя Маня, оставив на время свое занятие, встала возле стола и оперлась руками о подбородок, заслушавшись ее рассказом. На глаза ее даже навернулись слезы.

– Господи, – проговорила она, вытирая их узелком повязанного на голове платка. – Вот же не дал бог счастья! Таким молодым только бы и жить сейчас...

– А это всегда так бывает, – горько усмехнулся Павел Берендеев. – Бог одно дает, другое забирает. Короче, закон подлости.

И он развел руками, изобразив на лице покорность высшим силам.

– Вы бы не философствовали, Павел Николаевич, – сухо и язвительно подала реплику стоявшая у окна Маргарита. – Это у вас получается очень, я бы сказала, банально.

– А жизнь и состоит из банальностей, – парировал муж.

Гатауллин мрачно посмотрел сначала на Маргариту, потом на Павла, но ничего не сказал.

– А потом встречаться стали, на турбазу вместе поехали, – продолжила тем временем рассказ Байбакова, казалось не замечавшая никого из присутствующих. – Там и порешили, что вместе будем.

– Он как тебе предложение-то делал? – улыбнулась тетя Маня, словно разговаривала с семнадцатилетней девочкой, а жених находился в соседней комнате, просто покурить вышел.

– Очень романтично, с цветами, в лучших, что называется, традициях, – ответила Байбакова. – Купил алые розы и сказал: «Аленький, ты все понимаешь, чего я хочу сказать, потому что эти цветы созданы только для тебя».

Маргарита вдруг дернулась, резко повернулась и бросила мужу:

– Мне кажется, нам пора.

Берендеев тут же подскочил, словно ждал этого, и бросился к Алевтине для прощальных соболезнований. Маргарита же, не глядя ни на кого и устремив гордый взгляд вперед, проследовала в прихожую.

– Господи, ну кто же так подает сумочку! Все эти ваши неуклюжести... – послышалось вскоре оттуда женское ворчание. – До свидания! Спасибо не говорят, поэтому уж извините...

Последние слова были обращены к оставшимся. Берендеев, дождавшись, пока Маргарита исчезнет за дверью, с виноватым видом посмотрел на всех и также удалился.

– Я тоже пойду, короче... – встал со своего места Гатауллин.

Тетя Маня сопроводила его подозрительным взглядом, а Алевтина пошла проводить до дверей.

Когда ушел и Гатауллин, тетя Маня со вздохом пошла на кухню мыть посуду, а Лариса тут же поспешила задать свои вопросы Алевтине. Благо их накопилось изрядно за время поминок.

– Скажите, а эта Маргарита – она всегда такая, как бы это сказать, странная?

– Да, – вяло ответила Байбакова. – По крайней мере, сколько я ее видела, она то смеется, как дурочка, то напустит на себя вид этакой страдальцы. В общем, по-моему, у нее не все дома. Пашка-то он человек хороший, да мягкий больно. Виталий мне говорил, что с такой, как эта Рита, он бы и дня не прожил. А Пашка терпит. Но это их дела...

Она снова вздохнула.

– Павел когда приходил к Виталику, все больше один старался, без нее. Я не знаю почему, но, по всей видимости, чтобы стыдно не было... Еще слухи ходили, что она... это самое...

И Байбакова выразительно щелкнула пальцем по горлу.

– Закладывает? – удивилась Лариса.

– Да. Это она здесь еще старалась держаться. А Виталик рассказывал, что она прямо запоями пьет. Мужа опять же по имени-отчеству называет. И он ее тоже. Детей у них почему-то нет, хотя живут десять лет.

– Может быть, поэтому и странная? – выдвинула предположение Лариса. – Может быть, поэтому и пьет?

– Может быть, – согласилась Байбакова. – Хотя мне совсем до них дела нет, до этих Берендеевых... Скажите, Лариса, а вы правда его найдете? Ну, того, кто убил Виталика?

– Я постараюсь, – ответила Лариса. – Естественно, на сто процентов гарантировать не могу. Сами понимаете, чужая страна.

– Я вам обещаю, что оплачу все расходы, если вам понадобится туда поехать.

– Видимо, этого не избежать. Но... Сначала ответьте на вопрос: вы знали о том, что Равиль Гатауллин отбывал срок в тюрьме?

Байбакова устало отмахнулась:

– Это давняя история. Мне Виталий рассказывал в общих чертах, я не интересовалась подробностями. Это же было еще до нашего знакомства. А сам Равиль?.. Да, в общем, мне кажется, вполне безобидный человек. Скрытный, конечно, молчун. Тем не менее всегда вежливый и сдержанный. Виталику не раз помогал в различных делах.

– В каких же? – поинтересовалась Лариса.

– Ну там машину починить – он неплохо в этом разбирается. Потом ремонт помогал делать в моей квартире, когда мы решили там жить. В общем, ничего плохого про него сказать не могу.

Лариса кивнула. Про Гатауллина, молчуна-татарина, она легко могла получить информацию из милицейских источников. Иначе обстояло дело с Берендеевыми. Что-то в их облике Ларису настораживало.

– Алевтина, вы не знаете, Берендеев – это давнишний знакомый Виталия? Что их вообще связывало?

– Мне кажется, они не очень долго знали друг друга. Возможно, чуть больше, чем мы с ним. Это Равиль – друг детства, а Павел... Они познакомились, по-моему, на тренировке...

* * *

– Слушай, Маргарита Вячеславовна, ты нормально себя вести можешь? – Берендеев был взвинчен и эдаким раздраженным живчиком вертелся вокруг своей половины, которая, гордо вскинув голову, шла по улице.

– Нормально – это смотря для кого... Ха, скажите еще, Павел Николаевич, что я должна подстраиваться под Алевтину и этих старушек! Эти люди... Фи... – Маргарита изобразила презрительную гримаску.

Потом, оглянувшись по сторонам, опрометью бросилась к мини-маркету.

– Ты куда? – выкрикнул Берендеев.

– Я сегодня буду пить. У меня траур.

И Маргарита исчезла в глубине маленького магазинчика. Берендеев нагнал ее уже около прилавка, когда жена достала купюру, чтобы расплатиться за бутылку водки. Он крепко схватил ее за руку и сквозь зубы процедил:

– Ты не будешь сегодня пить. Не бу-дешь!

– Буду! – с упрямством непослушной девчонки возразила Маргарита. – Бутылку водки, пожалуйста, и большой «Спрайт».

– Рита, я прошу тебя, не делай этого... Я устал от твоих выходок, – пробормотал, сдерживаясь усилием воли, под недоуменными взглядами продавщиц, Павел.

– Павел Николаевич, на вас люди смотрят, – ангельским голоском укорила мужа Маргарита, говоря между делом «спасибо» продавщице, которая быстренько подала на прилавок водку и газировку.

Берендеев крутанулся на месте, покраснел, швырнул руку Маргариты и бросился к выходу. Он кожей чувствовал насмешливые взгляды продавщиц, для которых произошедшая сценка явилась приятным эпизодом в скучной пьесе под названием «рабочий день».

– И не смейте со мной так обращаться, – голос Маргариты, догнавшей своего супруга, показался Берендееву звуком бормашины. – А Алевтину я все равно не люблю. И не уважаю. Потому что она дура...

– Это понятное дело, почему ты так ее ненавидишь, – горько усмехнулся Берендеев.

– Зато я не понимаю, почему ты ее так любишь, – театрально выдыхая, произнесла Маргарита и вдруг бросилась к проезжей части. – Такси! Такси! – звонко воскликнула она, и на ее голос тут же с готовностью откликнулось два водителя, стоявшие около своих машин с шашечками.

Они выступили вперед, как два рыцаря, готовых умереть ради прекрасной дамы. Вернее, из-за полтинника, который эта дама достанет в качестве платы за их услуги.

Берендеев зло наблюдал за тем, как Маргарита села в одну из машин. Это означало, что она поехала к своей подруге, одинокой толстухе Светлане Камышовой. Они вдвоем очень любили выпить и посудачить. А может быть, и пройтись, что называется, по мужикам. Павлу это уже, в принципе, было не столь интересно знать. Он только с грустью мог констатировать, что его брак, некогда заключенный на основе большой любви, на глазах разваливался. И смерть Виталия Соловьева отнюдь его не укрепила, а скорее наоборот...

... Берендеев знал, что Маргарита придет домой. Вряд ли она останется у Светланы ночевать. Ей, скорее всего, захочется на сон грядущий поскандальить с мужем. Он посмотрел на часы – через полчаса начиналась очередная футбольная трансляция. Местный «Авангард» встречался в чемпионате страны с московским «Торпедо». Что ж, за неимением лучшего и этот вид досуга сегодня для него подойдет. По крайней мере, сможет отвлечь от невеселых дум, которые сами собой приходят, если придавать слишком большое значение жизненным неприятностям.

Спустя час Берендеев сидел перед телевизором и смаковал легкое пиво. В отличие от своей выпивохи-супруги, он, можно сказать, был трезвенником. В голове кружил легкий хмель, позволявший хотя бы чуть-чуть забыть и отвлечься. Мыслей практически не было. Да и в смысл слов комментатора местного телевидения Павел Николаевич особо не вслушивался.

«Тарасовский «Авангард» сегодня играет без чешского легионера Карела Немеца. Как вы, дорогие друзья, должно быть, уже знаете, Немец самовольно покинул клуб, и дальнейшую его судьбу будет решать совет клуба, – вещали динамики телевизора. – Импульсивный поступок чешского нападающего, скорее всего, вызван конфликтом с главным тренером нашей команды. Но в «Авангарде» воздерживаются от комментариев для прессы. В любом случае, без Немеца сегодня нашим будет очень непросто взломать оборону москвичей... Ай-ай-ай! Вот это удар! Что ж, один – ноль в пользу «Торпедо» уже на десятой минуте матча!»

– Черт! – не сдержался Берендеев, который настраивался все-таки на положительные эмоции. – Только один нормальный игрок появился и тут же исчез!

Игра тем временем продолжалась, и Берендеев уже допил свое пиво, когда в дверь позвонили.

«У нее же есть ключ, – подумал он про Маргариту, поднимаясь с кресла и проходя к двери. – Вот сумасшедшая баба!»

Он открыл дверь и застыл на месте. На пороге стояла та самая женщина-блондинка, которую он мельком успел рассмотреть на сегодняшних поминках.

– Здравствуйте, мне ваш адрес дала Алевтина. Меня зовут Лариса Котова, я по поводу Виталия Соловьева.

Официальный тон посетительницы заставил Берендеева изобразить вежливый полупоклон и сделать приглашающий жест. Лариса не преминула воспользоваться приглашением и прошла в коридор. Окинув взглядом комнату, куда ее провел Берендеев, Лариса сделала для себя вывод, что в этом семейном гнезде, несмотря на его богатство, теплом не пахнет. Она заметила паутину, ковер на полу тоже не отличался чистотой. Через открытую дверь в соседней комнате была видна небрежно убранная постель, на ней в беспорядке валялась одежда.

«В общем, приличный бардачок», – решила Котова, приближаясь к креслу, в котором Павел Николаевич совсем недавно смотрел футбольный матч.

– Как играют? – спросила Лариса, которая совсем не интересовалась футболом.

– Проигрывают, – помрачнел Берендеев. – Ну их к черту, все равно опять в первую лигу вылетят в этом году!.. Так... Чем, собственно, могу служить?

– Дело в том, что я частный детектив, – сказала Котова. – Меня попросила Алевтина заняться делом, не особо рассчитывая на успех чешской полиции. Учитывая, что вы были другом Виталия, естественно, что я пришла к вам.

– Да-да, да-да, – суетливо проговорил Берендеев, мелко кивая головой. – Давайте я кофе сварю...

– Что ж, не откажусь, – согласилась Лариса, которая чувствовала некую несобранность после поминок.

Берендеев тут же вскочил и быстро проследовал на кухню, где вскоре загремел посудой. Лариса осталась одна. На экране телевизора двадцать два человека продолжали бороться за один-единственный мяч, на книжной полке в ряд выстроились классики отечественной буль-

варной литературы. «Неужели Маргарита читает всю эту ерунду?» – невольно подумалось Ларисе.

В этот момент из прихожей что-то заскрежетало. Было такое впечатление, что какая-то кошка снаружи тихо скребется в дверь, желая войти внутрь, но не может.

Скрежет повторился, с уже большей громкостью.

– Все эти ваши замки, Павел Николаевич! – вскричали из-за двери. – Руки сломаешь!

Наконец на шум вышел из кухни Берендеев, хмурый и несколько встревоженный. Лариса спокойно наблюдала всю сцену.

Дверь через некоторое время все-таки открылась, и в квартиру нетвердой походкой вошла Маргарита. Она повела взглядом сначала на Берендеева, потом на Ларису и сделала крайне удивленное лицо.

– Здравствуйте, – почти по слогам выговорила она. – Вы специально отправили меня из дома, чтобы провести деловую встречу?

– Чтобы посмотреть футбол, – спокойно возразил Павел Николаевич.

– Ну и смотрите, – с притворно вежливой улыбкой произнесла Маргарита. – А я пойду принимать ванну.

И она небрежно скинула туфли, разбросав их по углам прихожей. Берендеев поспешно бросился к ней, прикрыв дверь. Лариса не могла разобрать, о чем он говорил жене, но догадывалась: скорее всего он просит ее не устраивать сцен в присутствии посторонних. Он отсутствовал несколько минут, а Лариса от скуки устремила свой взгляд на экран телевизора. А там как раз забили очередной гол в ворота тарасовского «Авангарда», и голос комментатора стал совсем траурным.

Наконец из ванной послышался шум воды. Берендеев вернулся к Ларисе и сел в кресло рядом. Потом, спохватившись, ринулся на кухню. Но вернулся совершенно обескураженным.

– Вот ведь незадача... Кофе убежал.

– Ничего страшного, – поспешила успокоить его Лариса.

– Я вам сейчас сделаю растворимый, так быстрее. Вы ведь занятой человек, а я отнимаю у вас время...

И, не желая слушать возражений, снова исчез в кухне. Из ванной тем временем донеслись звуки песни. Прислушавшись, Лариса поняла, что это распевает Маргарита. Песня исполнялась надрывным голосом, и, что удивило Ларису больше всего, голос был неплохой, а мелодия не перевернулась. «Зачем-заче-эм ты па-встре-чал-ся-а! Зачем нару-у-шил мой па-кой?» Мелодия вдруг резко оборвалась, и Маргарита начала что-то бубнить то ли насчет мочалки, то ли насчет мыла. Берендеев в это время суетился на кухне.

«Ну и семейка, – выдохнула Лариса. – Невольно подумаешь, что моя жизнь с Котовым по сравнению с ними кажется райской».

Берендеев тем временем вернулся в комнату, держа в руках поднос, на котором стояли две чашки с кофе.

– Вот, пожалуйста, «Чибо Эксклюзив». Не бог весть что, но для деловой встречи сойдет, – улыбнулся Павел Николаевич.

– А что, ваша жена вас ревнует? – тут же спросила Лариса, беря чашку в руку.

– Н-нет, – не совсем уверенно ответил Берендеев. – У нее... некоторые проблемы... в общем, она не в форме.

Было видно, что ему не больно-то охота продолжать развивать эту тему. Поэтому он поспешил перейти к делу.

– Так о чем вы хотели спросить? – вопрос хозяина квартиры прозвучал, как показалось Ларисе, даже слегка угодливо.

– Я не буду оригинальна. Хочу услышать вашу версию случившегося. На поминках, как вы понимаете, было не очень удобно этим интересоваться...

– Да... – помедлив, ответил Павел Николаевич. – Особенно в присутствии этого... дяди Коли. Вот ведь неугомонный старикан! Ну да ладно, это не имеет отношения к делу. А версия?.. Да нет никаких версий! Просто не представляю себе, кто это мог сделать. Может быть, случайность?

Берендеев заглянул Ларисе в глаза с таким выражением, словно ищет у нее подтверждения своей, мягко скажем, неоригинальной догадке.

– Ведь в Чехии тоже иногда встречаются всякие такие, бандиты, отбросы общества и все такое, – продолжал развивать тему Берендеев.

– Скажите, вы давно знали Соловьева? – перебила его Лариса.

– Нельзя сказать, чтобы очень. Три года. Но за это время мы, как это ни странно, сдружились.

– Почему же странно?

– Виталий был человеком, у которого было мало друзей. Не очень общительным, даже скрытным.

– Чем же вы ему приглянулись?

– Скорее, это он мне... как вы выразились, приглянулся. Мне нравятся люди решительные, положительные, уверенные во всем. Этих качеств, может быть, не хватает мне, – Берендеев сокрушенно развел руками.

– То есть вы не положительный персонаж? – усмехнулась Лариса.

Берендеев улыбнулся во всю ширь своего прокуренного рта. А потом вдруг напустил на себя серьезность и даже нахмурился.

– Отрицательным типом себя не назову, но и похвастаться особо нечем. Впрочем, к чему это все? Вы хотели услышать версию, я ответил... – он начал слегка раздражаться.

– Хорошо, допустим, что версий у вас нет. А вот что вы можете сказать про еще одного друга Соловьева...

– Некого Равиля? – Павел Николаевич опередил Ларису, произнеся имя Гатауллина за нее. – Он человек того же склада, что и Виталий, – скрытный и даже более нелюдимый, чем сам Соловьев. Но... гораздо менее интересный.

– Соловьев был интереснее?

– Безусловно. С ним можно было поговорить практически на любую тему. Несмотря на стереотип «пана спортсмена», то есть человека ограниченного, про Виталия этого не скажешь. Во многих странах бывал, довольно много знал и умел. А Равиль – только машину починить и мускулами поиграть – это все.

– А за что он сидел?

– Насколько я знаю, за рэкет. Он занялся этим в то время, когда все нормальные люди уже переключились на более цивилизованный бизнес. По моим сведениям, он подбивал и Виталия, но тот не захотел. И вот результат – Гатауллин сел в тюрьму, а Соловьев стал тренером.

– А когда вышел из тюрьмы, как складывались между ним и Соловьевым отношения?

– Вы считаете, что он мог быть причастен? – снисходительно усмехнулся Берендеев. – Зря... Равиль – парень хороший, хоть и дубоватый.

– И все же?

– Да все нормально было между ними. Равиль просто ходил в спортзал подкачаться, ну так, по старой дружбе. А никаких дел у них с Виталием уже не было. Так что с чего ему вдруг на него зло таить? Да к тому же не забывайте, что все случилось за тысячу километров отсюда...

– За две тысячи, – поправила Лариса. – Только в наше время расстояние не помеха.

Берендеев смолчал, только неопределенно пожал плечами.

«Ой да не вечер, да не ве-эчер! Э-эх, ма-лым-мало спало-ось!» Концерт в ванной продолжался, и Лариса невольно устремила взгляд туда, откуда доносились звуки.

Павел Николаевич покраснел и снова поспешил отвлечь гостью:

– Давайте я вам все-таки сварю кофе. У меня есть оригинальный рецепт.

– Нет, не надо, – тут же остановила его Лариса. – Мне, наверное, пора. Но не могу не задать вам один формальный вопрос.

– Что ж, давайте, – бодро ответил Берендеев, стараясь по мере сил заглушить доносившееся из ванной пение жены.

– Где вы сами находились в то время, когда убили вашего друга?

– Как – где? Дома, конечно... На работе. Я работаю в строительной фирме, мы строим коттеджи, занимаемся отделкой. Так что если нужно что-нибудь по нашему профилю, милости прошу. Могу даже дать визитку.

– Давайте.

Берендеев залез в ящик стола и вытащил оттуда визитку. «Павел Николаевич Берендеев, старший менеджер, фирма «Лепта» – было написано на ламинированной бумажке.

– Спасибо, – поблагодарила Лариса и прошла в прихожую.

Пение из ванной продолжалось, и Котова не могла на него не отреагировать.

– А что, ваша жена – певица? – спросила она с невинным видом.

– Нет, но она в свое время окончила музыкальное училище, – ответил Павел Николаевич.

– Где же она работает?

– Сейчас временно нигде. А вообще-то специализировалась на риэлторстве несколько лет подряд.

Лариса кивнула в знак того, что поняла. Говорить о чем-либо еще, по ее мнению, было излишне. Конечно, можно было бы побеседовать и с Маргаритой, но вряд ли в таком состоянии беседа пройдет конструктивно. Вообще семья Берендеевых оставляла неоднозначное впечатление, и Лариса чувствовала, что ей придется еще встретиться с Павлом и Маргаритой. Но это будет позже. Сейчас же у нее другая главная задача – побывать на месте убийства и выяснить все обстоятельства трагедии.

Попрощавшись с Берендеевым, она вернулась домой и заказала по телефону билет в Чехию. Это было сделать совсем несложно, поскольку в Прагу из Москвы летало несколько рейсов в день.

* * *

На следующий день, перед отъездом в столицу, Лариса решила навеститься к своему старому другу, подполковнику милиции Карташову.

Олег Валерьянович с утра находился в своем кабинете и лениво листал какие-то бумаги на столе, среди которых Лариса заметила газету «Спорт-экспресс». Именно туда и был устремлен взгляд подполковника, из чего Лариса сделала вывод, что особой работой он сейчас не обременен.

– Привет, – улыбнулась она ему с порога. – Болеем за наших спортсменов?

– Да чего за них болеть, – со вздохом махнул рукой Карташов, откладывая газету в сторону и приглашая Ларису сесть. – Ни черта не могут, ни черта! Вот, из-за границы игроков закупать начали, только и надежды, что, может, так дело пойдет. А наши как были никудышными, так и остались.

– А я вот в Чехию собралась, – весело объявила Лариса.

– Везет, – с завистью сказал подполковник. – Решила наконец отдохнуть?

– Не угадал, – покачала она головой. – Убийство там. Нашего гражданина.

– Ты теперь собралась по всему свету убийства раскрывать? Что, Интерпол не справляется? – хмыкнул Карташов и снисходительно посмотрел на Ларису. – Кого убили-то?

– Я ж говорю, нашего гражданина, тренера. Из Тарасова, между прочим.

– Вот как? А я уж испугался, что чешского футболиста, играющего в нашем «Авангарде». Вон пишут, что исчез куда-то парень перед ответственным матчем. Да, только-только игрок приличный у нас появился, и тот сбежал. Видно, совсем ему у нас не понравилось. М-да.

Карташова явно больше интересовали дела тарасовского «Авангарда», чем убийство какого-то тренера, совершенное за пределами района, входившего в его компетенцию.

– Так вот, Олег, – переключила его внимание Лариса, – я пришла к тебе узнать, не можешь ли ты чем-нибудь помочь в связи с моей поездкой?

– Нет, – тут же среагировал Карташов. – Абсолютно ничем. Никаких связей с чешской полицией у меня нет, слава богу. И сразу скажу: никаких материалов оттуда не пришлют, даже звонить бесполезно. И не могу, увы, посоветовать, к кому обратиться. Извини, тебе придется самой все расхлебывать.

– Послушай, а этим делом до конца будет заниматься чешская полиция? Не могут на вас перекинуть? Все-таки человек из Тарасова...

– Что ты, что ты! – замахал руками Карташов. – Нет-нет, это их дело – у них же убили! Не хватало нам еще этого висяка! Нет, чехи будут раскрывать. Так что езжай, Лара. Езжай.

– Поеду-то я поеду, – задумчиво сказала Лариса. – Только вот еще что. Здесь остается один человек, некий Равиль Гатауллин, приятель покойного.

– Ну и что?

– Дело в том, что он отсидел срок в тюрьме. И мне бы хотелось знать, за что. И вообще, подробности того дела.

– Ну что ж, – почесал за ухом Карташов, – это можно. К твоему приезду все будет готово. Ты сама-то на сколько?

– Не знаю, – призналась Лариса. – Как получится, но думаю, что на два-три дня, не больше.

Она еще поговорила с подполковником на малоотносящиеся к делу темы и ушла. Впереди была дорога в Москву, а далее – трехчасовой перелет до Праги.

Глава 3

В аэропорту Рузины ее уже встречали. Невысокого роста бородач с загорелым лицом по-молодецки подскочил к Ларисе и деловито предложил, протягивая руки к дорожной сумке:

– Давайте я вам помогу. Не пугайтесь, меня зовут Алексей, я брат Виталия.

– Ах, вы так неожиданно появились! – только и оставалось воскликнуть Ларисе.

– Здравствуйте, – с акцентом произнесла улыбававшаяся позади Алексея миловидная женщина. – Францишка. Можно просто Франта.

– Это моя жена. Она, к сожалению, не очень хорошо говорит по-русски, но, я думаю, это не помешает вам подружиться, – продолжал доброжелательный Алексей.

Лариса отметила, что Алексей и сам-то по-русски говорил с едва заметным, но все же акцентом. А по первому впечатлению – открытый, добродушный человек, наверняка очень общительный, балагур. По крайней мере, таким он казался.

Интуиция Ларису не подвела. На следующий день, когда они вместе с Алексеем и его женой отправились на прогулку по Праге, Соловьев-младший почти безостановочно говорил и говорил. Оставалось только догадываться, свойство ли это природы или влияние среды, в которой жил человек. Ведь, судя по рассказам очевидцев, его брат Виталий был совсем другим, скрытным и не очень расположенным к общению.

– Ну а это вы, конечно, знаете, что такое, – широко выбросив вперед руку, вещал Алексей. – Вы же говорите, что не первый раз здесь. Это, конечно же, знаменитый собор Святого Вита, а там Кремль. Или по-чешски Град. А во-он там, – он снова выбросил руку вперед, – дворец Бельведер. Теперь там сидит президент Вацлав Гавел и попивает себе спокойно пиво. А что ему еще делать! Достиг всего, чего хотел, вложил денежки в обувные фабрики – можно пить пиво! Но довольно об этом, нам пора на Карлов мост, пойдёмте. Его вы тоже наверняка знаете...

– А вы сами давно здесь живете? – перебила балагура-экскурсовода Лариса.

– Мне сейчас тридцать один, значит... с тринадцати лет. Стало быть, уже восемнадцать будет. И девять лет из этих восемнадцати я живу вместе с Францишкой, – Алексей приобнял жену. – Знаете, здесь не очень принято рано жениться или выходить замуж, но я преодолел сопротивление и заставил ее это сделать.

– Он был очень... настырный, – прокомментировала супруга. – У них это фамильное. Я знала его маму, та была тоже очень упрямая.

– Настолько упрямая, что, едва подвернулся подходящий случай, сбежала из Советского Союза. Вместе с чехом, которому вскружила голову. А ей ведь было к тому времени уже под пятьдесят, – поддержал тему Алексей.

– Расскажите поподробнее, – попросила Лариса. – Как ваша мать оказалась здесь, и почему вместе с вами не переехали остальные братья?

– Я у мамы был любимчиком, – без ложной скромности ответил Алексей. – К тому же я был самым маленьким. Серега уже работать начал, а Виталий в это время в армии был. Отец у нас умер за три года до этой всей истории... Кстати, вот смотрите, мы вступили на Карлов мост и двигаемся в сторону Староместской площади. А во Влтаве можно уже вполне купаться. Как вы соберетесь уезжать, я обязательно в последний день свожу вас на Слапы. Вы там были?

– Нет, – ответила Лариса.

– Это прекрасное место. У нас... или у вас, я уж и не знаю как... словом, на Волге острова близ Тарасова – чудное место, но Слапы мне нравятся больше. Они уютнее и цивилизованнее.

– Хорошо, обязательно съездим, – рассмеялась Лариса. – Но вы так и недорассказали мне про свою маму.

– Мама уехала с дядей Петером в восемьдесят четвертом и взяла меня с собой, потому что, как я уже сказал, я был самым маленьким и не мог жить самостоятельно, а... – Алексей чуть перевел дух. – А если бы поехали все, это было бы просто хамство по отношению к дяде Петеру. Он же все-таки не миллионер, как тот же Вацлав Гавел, и у него ограниченная жилплощадь. Так вот... К тому же я ему больше всех понравился из нас. А потом...

Алексей тяжело вздохнул, уже не замечая, что они пересекли Карлов мост и оказались возле каких-то старинных красивых зданий, о которых он, безусловно, рассказал бы в другой ситуации.

– Потом, сами понимаете, время было безжалостное. Сначала умер дядя Петер, потом и мама. У дяди Петера не было прямых наследников, поэтому в его квартире сейчас живем мы с Францишкой и двумя детьми.

– По России не скучаете?

– Почти совсем, – серьезно ответил Алексей. – Я же приехал сюда мальчишкой, быстро выучил язык, подружился с чешскими ребятами. Потом поступил в институт, стал работать. У нас здесь перестройка прошла не так, как у вас... Простите, я постоянно сбиваюсь, говорю, что «у вас». Но я русский только по паспорту.

Францишка улыбнулась:

– Русских, кстати, у нас не очень любят. Старики все вспоминают про шестьдесят восьмой год, про «пражскую весну», про танки. А молодые считают, что Россия – отсталая страна, и стремятся жить, как везде в Европе. Очень уважают немцев.

– Да, тут до Германии рукой подать, – согласился Алексей. – Там еще лучше, чем здесь... Но, кажется, мы снова отвлеклись. Итак, что вас еще интересует? Я так понимаю, что вы неспроста задаете все эти вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.